

Это ощущение отсутствия пристанища, парения в мире людей, было ужасно.

Ощущение брошенности, ледящий холод, внезапно нахлынувший посреди шумного, тёплого и роскошного зала.

Лучше бы прийти с хозяином вместе.

Зачем превращаться в человека? Став человеком, кроме возможности есть пирожные со вкусом Огео, клубники, сыра, пить апельсиновый, арбузный, манговый, кокосовый соки — разве можно открыто целоваться с хозяином!

Даже если хозяин всё ещё сердится на конфетку, он никогда не бросит её.

Тан Сяотан взял пирожное со вкусом инжира и с досадой откусил половинку.

Ещё... ещё и вкусное...

Тан Сяотан, покусывая пирожное, медленно отступал назад, желая спрятаться там, где его никто не увидит.

Не успел он отступить и двух шагов, как тёплая ладонь легла ему на поясницу, и раздался низкий, бархатный смех мужчины:

— Малыш, ты потерялся?

Тан Сяотан замер.

Сы Ханьцзюэ был выше него на целую голову. Глядя сверху вниз, он видел милый макушечный вихор юноши, нежную кожу с тонким пушком, ресницы, похожие на крылья бабочки, прямой изящный нос и едва заметные мягкие алые губы.

Сладкий конфетный аромат смешивался с молочным запахом пирожного, ударяя в нос.

Маленькая мягкая конфетка, сладкая и молочная.

Выглядела невероятно аппетитно.

Тан Сяотан резко обернулся:

— Хоз... Хозяин! Я не знаю, куда идти...

Чуть не проболтался!

Пусть хозяин ни в коем случае не узнает его!

Нет-нет, хозяин же никогда не видел его в человеческом облике, откуда бы ему узнать?

Точно так же, как когда-то, когда он признавался хозяину, что умеет говорить и живёт, мучительные, сложные чувства изводили его.

Он не боялся, что хозяин не примет конфетку, способную превращаться в человека, просто... ему казалось, что в сердце хозяина есть другой.

Если хозяин узнает, что он может стать человеком, но не сможет быть с ним...

Тогда... тогда он навсегда останется мармеладным мишкой, будет охранять самого лучшего хозяина и того счастливчика, которого любит хозяин!

Он ни за что не станет доставлять хозяину хлопот.

Хотя и не хочется, но настоящая любовь — это молча охранять счастье хозяина!

Юноша моргнул, его ресницы трепетали, готовые взлететь, на его лице, нежном, как желе, мгновенно вспыхнул румянец, подобный румянам, влажный взгляд устремился на Сы Ханьцзюэ, и он мягко произнёс:

— Ты... ты пришёл забрать меня?

Сы Ханьцзюэ приподнял бровь, не удержавшись, погладил щёку Тан Сяотана:

— Да, вижу, ты один, потерялся? Может, пойдёшь со мной?

Тан Сяотан без тени смущения сияюще улыбнулся, улыбка его была нетерпеливой:

— Да!

Сы Ханьцзюэ сжал губы, скользнул взглядом по толпе, обнял Тан Сяотана за плечи, прикрыл его, полюбняв, и повёл наверх.

Объятия хозяина такие тёплые.

Тан Сяотан, притаившись в объятиях Сы Ханьцзюэ, глубоко вдохнул, его сердце и лёгкие наполнились свежим сосново-кипарисовым ароматом хозяина. Ощущение покинутости мгновенно сменилось тёплым, полным счастья чувством. Тан Сяотан помотал головой и протянул непослушную руку, слегка обняв хозяина за талию.

Они поднялись на третий этаж на специальном лифте, Тан Сяотан всё время находился под надёжной защитой. Он поднял глаза и украдкой разглядывал хозяина с немного серьёзным выражением лица.

Конфетка никогда не видела хозяина с такого ракурса.

Чёткая линия подбородка, глубокие, благородные черты лица — с этого слегка снизу вверх ракурса он выглядел почти резко красивым, с сильной аурой. Когда он опускал глаза, чтобы посмотреть на него, лёгкий румянец на лице Тан Сяотана мгновенно превратился в сочный, спелый гранатовый.

Смущённый вид был невероятно мил.

Лифт поднимался, узкое пространство бесконечно усиливало смутную жару в воздухе. Тан Сяотан отчётливо слышал стук собственного сердца, его лицо пылало, он отводил взгляд, но уголки губ неудержимо поднимались.

Сы Ханьцзюэ тронул губами и сказал тоном, каким обычно дразнил конфетку:

— Ты пришёл один? Отстал от друзей?

— Да-да-да! — Тан Сяотан закатил глаза. — Поссорились, бросили меня.

Обиделся.

— А, — Сы Ханьцзюэ отреагировал крайне равнодушно, будто совсем не уловил нотки обиды и лёгкого упрёка в голосе юноши.

Как раз в этот момент двери лифта открылись, и он повёл Тан Сяотана в свою ложу.

Ложу на третьем этаже была тёплой, как весна, с прекрасным видом, внутри также было меню, можно было самостоятельно заказывать блюда.

Красивая hostess стояла рядом с ложей, готовая в любой момент поднять табличку для ставок от имени гостя.

Как только Тан Сяотан вошёл, он увидел сидящего внутри Цзян Юя с серьёзным, сосредоточенным выражением лица, листавшего каталог аукционных лотов, ранее помеченный Сы Ханьцзюэ.

Цзян Юй поднял голову, его взгляд упал на лицо Тан Сяотана, и он остолбенел.

Когда он видел, как Тан Сяотан превращается в человека на видео, он тоже удивлялся, но, приняв как данность, что мармеладный мишка умеет говорить, удивление от того, что мармеладный мишка может превращаться в человека, длилось всего мгновение, и даже казалось закономерным.

Но когда Тан Сяотан в человеческом облике вошёл, опустив голову, с лицом, идентичным Тан Тану, таким же ростом и телосложением, с точно такой же улыбкой в уголках губ, на мгновение Цзян Юю показалось, что Тан Тан очнулся.

Тот юноша, которому выписали предсмертное уведомление, чуть не потерявший жизнь, снова ожил.

У Цзян Юя на миг помутнело в голове.

Если Тан Сяотан находится здесь, то кто тогда тот человек в больнице?

Краткое помутнение прошло, Цзян Юй собрался с мыслями и с улыбкой спросил:

— Босс, это?

Сы Ханьцзюэ спокойно ответил:

— Потерявшийся малыш.

Он обернулся, взглянул на Тан Сяотана, его тёмные зрачки были глубоки, в голосе скрывались сложные эмоции, непонятные Тан Сяотану.

— Потерялся? — Цзян Юй сказал с каменным лицом. — Может, потому что слишком непослушный, и родные бросили?

— Не говори ерунды, — Сы Ханьцзюэ предупреждающе взглянул на Цзян Юя. — Ребёнок, нельзя такое говорить.

Так же, как бессердечные взрослые часто дразнят детей с ещё уязвимой психикой, говоря, что твои родные тебя бросили — без злого умысла, но дети этого не выносят.

Цзян Юй высунул кончик языка:

— Извини.

Тан Сяотан прищурился, но вовсе не взъерошился и не испугался, как ожидал Сы Ханьцзюэ. Он поднял подбородок, надменно и самодовольно заявил:

— Никто меня не бросит! Хоз... хозяин любит меня больше всех!

Одарённый любовью ребёнок, обладающий полным чувством безопасности, с невероятно сильным внутренним стержнем, ни за что не расстроится и не разозлится из-за чьих-то шуточных слов.

Тан Сяотан помахал указательным пальцем:

— Хотя он тоже иногда сердится, но я знаю, что он точно никогда меня не бросит!

Цзян Юй показал большой палец!

Вот она, та самая бесшабашная маленькая конфетка!

Если бы это был тот юноша... если бы это был тот юноша в больнице, он, наверное, не смог бы так уверенно и дерзко произнести такие слова.

Кажется, он начал понимать, почему босс не собирается раскрывать карты мармеладному мишке.

Взгляд Тан Сяотана скользнул по хозяину, его глаза прищурились, став похожими на полумесяцы.

Хозяин боялся, что слова Цзян Юя расстроят его, потому что по сравнению с ним самим более ранимым, менее уверенным в безопасности был хозяин, поэтому он так беспокоился о конфетке!

Тан Сяотан сел рядом с Цзян Юем, посмотрел наружу, его большие, круглые, чёрные глаза с любопытством уставились на большой экран за аукционным помостом, где уже появилась информация о первом лоте.

Ведущий с энтузиазмом рассказывал об истории и ценности этого лота, а также сообщал о направлении средств от его продажи. Поскольку это был благотворительный аукцион, цены в основном были завышены, большая часть средств шла на финансирование различных благотворительных проектов, хотя многие также использовали эту возможность для установления деловых связей и обмена любезностями.

К первым лотам Сы Ханьцзюэ не проявлял интереса, но и не заговаривал с Тан Сяотаном.

То же самое лицо, что и у Тан Тана, было прямо рядом, краем глаза он видел мягкие, белые пальцы юноши, лежащие на коленях, носом чувствовал сладкий аромат мармеладного мишки, ушами слышал учащённое сердцебиение юноши.

Было невыносимо мучительно.

Но если сейчас неожиданно признаться ему, не испугает ли это его мармеладного мишку, не упустят ли они какую-то зацепку, не навредит ли это находящемуся в коме в больнице Тан

Тану?

Двое, поглощённые собственными мыслями, мучительно молчали.

Блестящий Цзян Юй посмотрел направо и налево, на своего бесстрастного босса, затем на Тан Сяотана, увлечённо игравшего со своими пальцами, и заботливо позвал hostess за дверь, попросив принести три порции мороженого.

<http://bllate.org/book/15589/1395487>